

МИФОЛОГЕНЫ ФИЛОСОФСКИХ СМЫСЛОПОЛАГАНИЙ

В.А. Костенич (кафедра философии)

В актах философствования человек свидетельствует о своей латентной потребности причащаться к тайнописям рождения Смысла, понимать мироздание и ответственность за свое сотворческое место в нем! Именно здесь, в духовных событиях потрясенности «обычного человека» таинствами его смысложизненных тревог, в антиномичном распятии между объективным и субъективным, вселенским и личным, идеальным и несовершенным, анонимным и самобытным, «своим и чужим», рациональным и иррациональным, испытываются на осмысленность и жизнедостоинность гимны человеческой вселенскости!

Из какого же мировоззренческого истока черпает философия свою сюжетную нарративность, *длит* «смыслосущность» собственных практик существования? Для ответа на поставленные вопросы следует, на наш взгляд, обратиться к некоторым мифологическим архетипам структурирования (смыслов) бытия.

Мифологическое сознание формирует первые «мыслеобразы» мировоззренческого словаря культуры, ключевыми из которых оказываются «Начало», «Ничто и Всё»

---

⁷ В настоящее время молодой белорусский исследователь В.В. Ашейчик [1, с. 161–162] ставит под сомнение возможность выделения рудостровского локального варианта из-за отсутствия каких-либо типобразующих признаков в кремневом инвентаре стоянок Восточного Полесья.

(Хаос), «Космос», «Человек», «Время и Вечность», «Пространство», «Символ», «Дуальность сущего», «Смысл и Знак», «Иносказания неопределенности». Впоследствии философия будет исторически осмысливать эти мифологические конструкты в направлении придания им *понятийной оформленности и идейной связности*.

Хаос, в его мифологическом переживании, характеризует собой не столько банальный «беспорядок» в основах бытия, сколько, временно не артикулированную в каких-либо опредмеченных формах и версиях, «бездну (неоднозначных) возможностей»; нелинейную динамику виртуальных состояний; чреватую как «порядком оформившейся стабильности», так и катастрофами революционных турбулентностей. Хаос – это и бытие в его изначальных проявлениях, и *бытие Смыслов (бытия)* в их темпоральной перспективе.

Космос же символизирует собой все то, в свершившихся проявлениях сущего, что обретает «антропологическую вменяемость человека размерности бытия», оказывается «накопителем» антиэнтропийных «долгоВечностей» бытия и Смысла; расширяет территории (*отвоеванной у Хаоса смертности*) *символической Вечности!*

Борьба Хаоса и Космоса происходит, прежде всего, и главным образом, на той «границе», которая именуется «Человек», ибо именно он оказывается и ареной столкновения, и свидетелем, и арбитром, и главным призом в этом бытийном конфликте, ибо, в зависимости от того, чью сторону (Хаоса или Космоса) избирает для себя человек, решается Судьба и участь бытия в целом. Отсюда и тот особый интерес, который обнаруживает (уже) мифологическое сознание к «тайнам-тайнствам» рождения Космоса из Хаоса, к испытаниям на «вселенскую отзывчивость» человека в микроблогах его индивидуальной биографии и интенции (с)мыслить.

Во всех первобытных социумах выделяются два «бытийных» персонажа: «*Властитель и Поэт*», представляющие в статусе социальных и интеллектуальных лидеров данных человеческих сообществ. Поэт (как мифологический «прототип» будущих «философов») олицетворяет собой ту персону человеческого бытия, которая связана со «смыслополаганием». В отличие от Властителя, наделенного «силой власти», *Поэт властвует над Смыслами*, извлекая их с помощью Слов из Хаоса безымянностей бытия. Поэт говорит не столько «стихотворениями», сколько «языком побежденных стихий», оказывается транслятором человеческих традиций духовного освоения бытия.

Центральным «местом-событием» мифологического Мира является «*праздник*», который разворачивается вокруг так называемого «Мирового Древа», посредством различного рода «ритуальных практик». Мировое Древо выступает символическим маркером того «Места-События», где (однажды «впервые») Космос возник из Хаоса. «При жизни» по Мировому Древу (в поисках медицинских и символических интерпретаций бытия) «путешествуют» только «избранные» люди (*шаманы*), наделенные особой миссией и *способностью встречаться с «иностранцами» бытийными реальностями* (обитающими в иных измерениях бытия) и выпытывающие у них информацию о «первопричинах» различного рода бытийных и *смысловых разрывов* внутри Космоса.

«Сакральное шаманство» освоения хаотических (пред)смыслов бытия происходит также в «праздничной атмосфере обрядов Инициации», в процессе прохождения болезненного «междумирья» телесных, душевных и духовных «пере(за)грузок». Они (кон)центрируют испытуемого на встречах с его способностью ответственно самоопределяться со своим «предназначением», через усилия преодоления инфантильностей «детства» и сопутствующих им «откатов разума» в суету стереотипного исполнительства.

Во время (первобытного) праздника, как правило, отменялось подавляющее большинство социальных запретов и табу. Обычному человеку позволялось вести себя достаточно стихийно и самопроизвольно (т. е. «хаотично»). Это «инобытие» допускалось с той целью, чтобы:

• Иносказательно поместить человека в ситуацию «отсутствия» Космоса (или «первичного Хаоса»).

• Превратить самого человека в (символическое) подобие Хаоса и источник (творящего) Хаоса, посредством его «своевольного существования и иномыслия».

• Побудить человека, исходя из *собственных усилий*, превозмочь соблазны, искушения и «витиеватости» хаосного бытия и восторжествовать над ними, осуществив их духовную ассимиляцию и смысловое (само)преображение.

В результате этой победы каждый (обычный) человек оказывался индивидуально приобщаем к соавторству порождения Космоса из Хаоса, к торжеству космических содержаний над шифrogramмами Хаоса. В самой этой процедуре «праздничного опробывания» своих собственных бытийных ресурсов, человек начинал конституировать будущие сценарии своего экзистенциального подвижничества.

Таким образом зарождается духовная традиция причастного побратимства и сродственности зовов «хаосоподобных изначальностей» и зеркально симметричных им «имманентных трансцендентностей» собственной человеческой «глубины», платоновски «вспоминающей» свою «смысловую высоту» в актах поэтических литургий и философских напряжений.

В дальнейшей человеческой Истории мифологическая последовательность ритуальных алгоритмов, предписывавшая определенную «канву» жизнедействий, трансформировалась в мировоззренческие штудии над смыслом жизни различного калибра «мудрецов-любомудров». Более того, «внутри» этих технологий смыслополагания как их «таинственный голос и код», как «Космос в виртуальностях Хаоса», как «Мудрость в сетях словопрений» имплицитно обнаруживаются и культурно-исторически тиражируются *порывы к пониманию, жизнестроительство фактологий мудрости, диалектика воссоздания универсальных смыслов из какофонии номиналистических разнообразий*.

Философия актуализирует мифологические празднества противостояния хаосам «не(до)осмысленного Сущего в своем гегельянстве «категориальных композиций», в построении таких «пространств мысли», которые «принуждают к Понятию» иррациональности «объявившихся содержаний». Философия побеждает «инаковости Иного», придавая им «членораздельность» опознанного Смысла, учиняет интеллектуальные эксперименты с «сырьем мировоззренческих тенденций».

В актах философствования человек вопрошающе вторгается в запредельности Изначального и начинает собирать «трофеи всеобщих Смыслов»; критически побеждает обывательский беспредел «мыслить вообще и в общем»; подвергает диалектической ревизии плоскостопие «непротиворечивых дискурсов» обыденного сознания.

Философствование наследует мифорелигиозную «одержимость Смыслом», придавая ей лоск концептуальной внятности и «системной оппозиции» любым попользованиям хаоса самодовольной болтовни.